

А. В. Успенская¹

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ СЦЕНАРИИ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ АНТИУТОПИИ

Жанр литературной антиутопии, остросовременный, изображающий близкое или далекое будущее, но призванный не предсказывать, а предостеречь ради настоящего, — один из самых популярных в наше время. Это вполне объяснимо: на рубеже веков уже не впервые в культурном пространстве усиливается ощущение кризисности и даже катастрофичности бытия, возникают эсхатологические ожидания. «Всплеск» антиутопий был характерен и для рубежа XIX–XX веков («Роковые яйца» М. Булгакова, «Мы» Е. Замятина, «Ленинград» М. Козырева, «Воспоминания о будущем» С. Кржижановского). В российской ситуации конца XX — начала XXI века к естественному эсхатологизму рубежа тысячелетий добавляется ряд тяжелейших потрясений. В последние годы советской эпохи замшелый догматизм власти и экономический кризис породили у широких масс соблазн отказа от неудавшейся социалистической утопии и ускоренной вестернизации, хотя ранее эти настроения были уделом лишь диссидентов. Теперь уже не коммунистическое завтра, а западный мир стал представляться желанной утопией, буквально осуществленной на Земле. В то же время российская жизнь мыслилась как осуществившаяся антиутопия, ближайшее будущее рисовалось в катастрофических декорациях.

Жанр антиутопии откликнулся на эти явления. Создавая мрачные и странные миры, авторы антиутопий в то же время представляли идеал — жизнь Запада, казавшуюся стабильной, чистой и душевно здоровой. В антиутопиях авторы, отталкиваясь от неприглядной

русской действительности, не выдумывали ничего принципиально нового: они просто доводили до крайности уже существующие черты.

Именно так выглядит отражение кризиса советского мира в ряде антиутопий 1980–1990-х годов. Впервые эта проблематика была отражена в известных произведениях В. Войновича «Москва 2042» (1986) и А. Кабакова «Невозвращенец» (1988), обозначивших две разновидности сюжетов в современной утопии: предстоящий православно-коммунистический тоталитаризм и грядущий хаос как продолжение тенденций всеобщего развала конца 1980-х — начала 1990-х годов.

В повести Владимира Маканина «Лаз» из вечной темной, мрачной, полуголодной, опасной и совершенно безнадежной России герой находит лаз в иной мир. Хотя он не назван, но очевидно, что это свободный мир Запада: там царит порядок, улицы освещены, люди улыбки и радушны. Герой буквально разрывается между этими мирами, душой он стремится в лаз, но на родине его держат больной ребенок, семейные обязанности, привычка.

В «Записках экстремиста» А. Курчаткина (1990) энтузиасты много десятилетий строят подземное метро, подвергаясь лишениям, уничтожая несогласных, теряя близких. В конце концов выясняется, что метро никому не нужно, на поверхности царит совершенно иной, благополучный мир, люди придумали другие средства сообщения. Те, кто жертвовал собой и другими, понимают, что прожили свою жизнь напрасно.

«День опричника» (2007) и «Сахарный Кремль» (2008) В. Сорокина — это утопии по самоощущению главного героя, но антиутопии по сути. В них изображено реакционное, застывшее государство с самодержцем во главе, с репрессиями и осуществляющими их верными опричниками. Православное царство отгородилось от Запада Великой русской стеной, хотя и продает Западу нефть и газ. Изоляция требует возвраще-

¹ Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор филологических наук. Автор более 70 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Античность в русской поэзии второй половины XIX века», «Античность и русская литература: мотивы, образы, идеи», «Антологическая поэзия А. А. Фета», статей о творчестве Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Д. С. Мережковского, В. В. Набокова, И. А. Бродского и др. Член Союза журналистов Санкт-Петербурга. Почетный профессор СПбГУП. Награждена медалью «100 лет профсоюзам России».

ния древнерусских обычаев и атрибутики, при этом используются замысловатые западные изобретения и гаджеты. Главной и, как кажется Сорокину, истинно русской чертой этого мира является эклектичность: смешаны реалии времен Сталина, Брежнева и Путина. Гиперболизированное сатирическое отражение российской действительности (с попытками идеологически противостоять Западу) противопоставляется более свободной и многоликой Европе.

В принципе вскрывать язвы окружающей действительности — священная обязанность литературы, и касается это не только антиутопии. Однако бóльшая часть произведений рубежа XX–XXI веков, принадлежащих перу писателей-западников, парадоксальным образом несет *антизападническую* идею об особом пути России. В этих произведениях главенствует мысль о том, что российский кризис конца XX века выявил главное: путь России на Запад невозможен, у страны нет будущего, нет исторического развития. Ее общественная жизнь стоит на месте, не соответствует исполненной положительной динамике жизни Запада. Антиутопия 1920-х годов лишь предостерегала от возможных опасностей. Современная антиутопия констатирует уже якобы свершившийся факт: будущее, которого опасались в 1920-е годы, уже наступило, страна продолжает жить вне времени, вне истории, не в силах преодолеть некий экзистенциальный кризис, в котором она находится перманентно. «С тех пор как Запад с Китаем отказались от нефти и газа, мы стали никому не нужны. А теперь нам вдобавок удалось весь мир убедить, что жить в изоляции — это горячее и искреннее желание подавляющего большинства нашего населения. <...> А потом... Потом — хоть потоп. Не будет здесь ничего через сто лет. Да нет, гораздо раньше все кончится, гораздо раньше!»¹.

Как итог подобных настроений в антиутопиях последних лет появляется мотив исчезновения русского мира в результате мусульманского завоевания, как, например, в романе А. Волоса «Маскавская Мекка» (2005). Управляемой мусульманами Москве противопоставлен некий аграрный край со столицей в городе Голопольске, похожий на СССР 1950–1970-х годов: с бедностью, коммунистической идеологией и лагерями для несогласных. И для России автор видит только эти два пути, вернее два варианта исторического тупика. «Эта страна никогда не станет богатой. Никогда. На протяжении веков ее разворовывали — и будут разворовывать»². Так в жанре антиутопии, как наиболее чутком к социально-политическим интенциям времени, обозначается один из самых острых кризисов современной России — кризис западнической идеи, согласно которой надо отказаться от особого русского пути, от иллюзий и имперских амбиций, но даже в этом случае Россия не сможет догнать Запад и оказывается обреченной. Жанр антиутопии первым отразил это противоречие, пусть даже и против воли авторов.

С 2000-х годов ситуация изменилась. Стало очевидно, что постсоветское общество пребывало в плену очередных иллюзий и европейская утопия — лишь

плод нашего воображения. Мир Запада стали подтачивать небывалые кризисы: экономический кризис 2008 года; кризис в отношениях Запада и стран третьего мира, породивший невиданные эмиграционные волны; кризис семьи, когда все более агрессивно навязываются девиантные формы поведения; наконец, наиболее болезненно задевший россиян мировоззренческий кризис, связанный с пересмотром итогов Второй мировой войны. Победа 1945 года более 50 лет воспринималась как общая победа всего цивилизованного мира над фашистским варварством. Немцы при этом также могли чувствовать себя победителями — они победили фашизм в себе самих. Запад и Россия обрели в этой борьбе со злом ощущение общей судьбы, соратничества, которое оказалось возможным независимо от национальной, религиозной и идеологической принадлежности. Даже несмотря на эксцессы холодной войны было очевидно, что социализм и капитализм могут мирно сосуществовать, а это, в свою очередь, обеспечило более или менее прочный мир в Европе почти на 70 лет. Сегодня Запад решил отказаться от этой парадигмы: Россия в одностороннем порядке объявлена страной, побежденной в ходе холодной войны. То, что Россия, поверив в западную утопию, отказалась от социализма, распустила свой военный блок, наделила независимостью 14 республик, на Западе почти единогласно стали представлять как поражение. Образ врага сформировали произвольно, не по идеологическому, а по национальному признаку, и вот уже Россия объявлена главным врагом неких мифических «западных ценностей». Хотя еще недавно их называли общечеловеческими ценностями, которые и Запад, и Россия понимали примерно так, как сформулировал их академик А. Сахаров: «Мир, прогресс, права человека». Так Россия из главного победителя мирового зла — фашизма — усилиями западных СМИ превратилась в главного врага человечества. Былые идеологические аксиомы на Западе оказались повержены, вместо них воцарилась пустота, заполняемая неуверенностью и средневековыми страхами. Россия представляется мрачной страной Тартарией: то ли страной татар, то ли Таргара. Трудно переоценить значение этой новой идеологии не только для России, но и для Запада, прежде всего Европы. Запад стремительно теряет контакт с многовековым соседом, способным в трудный момент протянуть руку помощи, умеющим быть благодарным.

Литературный жанр антиутопии чутко угадал это направление в идеологии. В лучших произведениях утопический Запад уже не противопоставляется кризисной и неподвижной России: оба мира, лишившись поддержки друг друга, становятся игрушкой разрушительных, стихийных, антигуманных сил. В «Теллурии» В. Сорокина и Европа, и Россия распались на княжества, королевства и республики, населенные демократами, воинами «Талибана», православными коммунистами, красными партизанами Урала, крестоносцами, мутантами. Таким образом, мир стабильности оказался разрушен: Европу не спасла политкорректность, а Россию — неототалитаризм. В романе-антиутопии В. Пелевина «S. N. U. F. F.» также показаны два противостоящих и погибающих мира. В далеком будущем часть лю-

¹ *Остальский А.* Синдром Л. М., 2013. С. 406–407.

² *Волос А.* Маскавская Мекка. М., 2005. С. 273.

дей осталась на Земле, в тоталитарном государстве Оркланд (или Уркаинский Уркаганат), они живут за счет примитивного сельского хозяйства и торговли газом с Биг-Бизом — искусственным спутником Земли, процветающим высокотехнологичным государством. Обитатели Оркланда деградируют и бедствуют, иногда воюют с Биг-Бизом, хотя и правителей, и сценарий войн, и даже фасон военной формы им поставляют оттуда. Биг-Биз, в котором нетрудно узнать Запад, на первый взгляд кажется осуществленной утопией: там сытно и безопасно, царят закон и толерантность, но далеко не всем нравятся унифицированное счастье в одина-

ковых квартирах-сотах, ежедневное промывание мозгов с помощью лицемерных СМИ, скука, одиночество, жизнь без радости, искренности и любви. В конце концов иллюзорное противостояние этих миров (возобновляемое, чтобы дать новый информационный повод заскучавшим жителям Биг-Биза) переходит в яростную схватку, уничтожающую обе цивилизации. Так в последних текстах Сорокина и Пелевина отражается окончательное разрушение постсоветской иллюзии осуществившейся западной утопии, хотя после всех разочарований XX века жажда утопии по-прежнему актуальна для российского самосознания.